

ко всем бедствиям, обрушившимся на христиан, еще и демократию“ *ἡ δημοκρατίαν ἐγείρει χριστιανούς ἐπὶ τοῖς προλαβούσι κακοῖς*. „Тогда-то, — говорит Феофан, — Никифор, напуганный (*πτοηθέντος*) этой идеей Ставракия, перешел в ряды заговорщиков, объединившихся вокруг Михаила и Прокопии, среди которых были магистр Феоктист, патрикий Стефан — домашник схол и некоторые другие придворные. Для того чтобы изменить кардинальным образом положение вещей в пользу проведения церковной политики в желательном для него направлении, Никифор предварительно заручился от Михаила собственноручной распиской в том, что он будет соблюдать православие и не будет преследовать священников, монахов и церковнослужителей. При коронации Михаил подарил патриарху 50 литров золота, а священнослужителям 25 литров. А затем, по инициативе патриарха, Михаил, ставший при его помощи императором, объявил смертную казнь еретикам, которые пользовались покровительством его предшественника“. По словам Феофана, „движимый великой ревностью к богу благочестивейший император, по внушению благочестивого патриарха Никифора, объявил смертную казнь манихеям — нынешним павликианам и афинганам во Фригии и Ликаонии“.²⁸

Правда, наш источник указывает, что императора удержали от массовых гонений другие советники, но все же, — прибавляет он, — не малое число сектантов было предано казни мечом.

Царствование Михаила I продолжалось, как известно, недолго. Поражение византийской армии во время болгарской войны в битве при Версиникии 22 июня 813 г., когда ей пришлось встретиться в открытом поле с болгарской армией, состоявшей преимущественно из славян, и бегство Михаила с поля сражения поставило на очередь вопрос о судьбах престола. Лев Армянин, ставший по поручению Михаила во главе армии, оказался наиболее подходящим кандидатом. Оставалось лишь уговорить Михаила отречься, что и было сделано Никифором. По данным некоторых источников, Лев обратился до своего воцарения с письмом к Никифору с уверением в том, что он будет соблюдать православие, и этим обеспечил себе поддержку патриарха. Такова версия Феофана и Анонима,²⁹ вероятно гораздо более близкая к истине, чем та, которую можно найти в жизнеописании Никифора, составленном Игнатием. Согласно последнему, Лев, которого Феофан лестно именует здесь „*εὐσεβῆς καὶ ἀνδρείοτατος*“, в житии представлен, как человек, позорно бежавший со своим войском с поля сражения.³⁰ По словам Игнатия, он подкупил народ и захватил престол, так что Михаилу с Прокопией осталось только уйти в монастырь. Не ожидая от Льва ничего хорошего, Никифор по обычаю вручил императору послание о вере, которое Лев временно отложил, обещая рассмотреть его после венчания, а потом снова от этого отказался. А когда Никифор венчал Льва на царство, — говорит Игнатий, — он ощущал в руке тернии (*ἀκάνθας*) и колючки (*τριβόλους*); ту же явно приукрашенную версию, искаженную в смысле, желательном для полного оправдания Никифора в глазах иконопочитателей, передает и Генесий.³¹

²⁸ Ср. J. Burg, Op. cit. 351. Theoph. Chronogr., p. 495.

²⁹ Theoph. Chronogr., p. 501—502; Scriptor incertus, p. 339—340.

³⁰ Vita Niceph., p. 162 сл. „У императора разгоралась война с гуннами во Фракии, где они причинили многим городам большой ущерб; во время этой войны Лев был главным виновником поражения и вызвал постыдное бегство всей армии“.

³¹ Genesis Regum. Bonn, p. 26 sq. — У Продолжателя Феофана первая версия подтверждается тем, что сообщается о тайном поручении Михаила, данном им одному слуге, — передать Льву императорские инсигнии. Эта версия засвидетельствована